

Ян Цин
аспирант 1 к. УрФУ

Я-ТЕМА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ТОНАЛЬНОСТИ В ЖАНРЕ ЛЕКЦИИ

Тональность (текстовая субъективная модальность) отражает авторское отношение к содержанию текста и существенно влияет на его читательское восприятие. Значимость данной категории несомненна, тональность может осмысляться как основной текстообразующий критерий. Например, Н. С. Валгина определяет текст как «функционально, содержательно и структурно завершенное языковое единство, скрепленное авторской модальностью» [Валгина 2003: 26—27].

Данная категория важна в жанре лекции, потому что целью лектора является не только информирование, но и влияние на слушателей и читателей. В рамках данного жанра подчеркнутой значимостью авторской текстовой модальности характеризуются публичные лекции. Яркими образцами этого субжанра являются нобелевские лекции, основной общественной задачей которых является презентация выдающейся личности — лауреата Нобелевской премии. В данной статье детально анализируется текст нобелевской лекции А. И. Солженицына, прочитанной им в 1970 г. при вручении Нобелевской премии по литературе. Текст исследован методом категориально-текстового анализа. Для сопоставления привлекались тексты других русских нобелевских лекций (И. А. Бунина, И. А. Бродского)¹.

Под текстовой категорией понимается объективное свойство текста как целостного и связного речевого объекта. Текстовая категория — это «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами [Матвеева 2003а: 533]. Текст как ре-

1 И.А. Бунин — лауреат Нобелевской премии по литературе 1933 г. первый из русских писателей, удостоенных этой награды. Иллюстрации из его выступления маркируются в статье пометой (ИБ); И.А. Бродский — русский и американский поэт, эссеист, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе 1987 г.; иллюстрации в статье имеют помету (Бр). Иллюстрации из текста А.И. Солженицына помечены (АС) только при использовании их в подборках материала разных авторов. Все немаркированные иллюстрации — из лекции А. И. Солженицына.

зультат речевого творчества автора отражает, в частности, его оценки, эмоции, волеизъявление. Эта часть текстового содержания вместе с ее вербальным выражением и есть категория тональности. В ней отражается «эмоционально-волевая психологическая позиция автора по отношению к излагаемому, а также к адресату и ситуации общения» [Матвеева 2003б: 549].

Целостный текст представляет собой систему текстовых категорий темы, композиции, хронотопа, тональности, авторизации, адресации и др. Текстовые категории характеризуются взаимной обусловленностью, особенно тесно связаны между собой тема и композиция текста, хронотоп и композиция, тема и тональность текста. В публичной лекции очень значимы категории темы и тональности, причем наблюдается частичное наложение данных категорий в области применения особой тематической разновидности — Я-темы. Рассмотрению этой зоны и посвящена настоящая статья.

1. Я-тема: общая характеристика, структура, средства выражения

Тема — это содержательный компонент текста, его смысловое ядро, предмет обсуждения, единый на протяжении целого текста. Тема реализуется в тексте посредством ряда номинаций, объединяемых общим денотатом [Новиков 1979: 67]. Категория темы имеет две разновидности. Тема бывает предметной (денотатом является объект реальности, обсуждаемый в тексте) и субъектной (отражающей личностное начало текста). В объемной лекции А.И. Солженицына семь частей, в которых обсуждаются такие предметные темы, как искусство, ГУЛАГ, народ, писатель, долг литературы. Субъектная тема этой лекции связана с личностью ее автора (персонажные субъектные темы для жанра лекции не характерны). Я-тема — это открытое выражение авторской субъективной позиции [Сибирякова 1996: 6], на основании которой предметные (и, при наличии, персонажные субъектные) темы увязываются с личным опытом автора текста.

Я-тема может быть реализована точно, представляя собой короткое тематическое включение, или развернуто, формируя тематический фрагмент текста (данное тематическое структурирование предложено И. Г. Сибиряковой на разговорном диалогическом материале: [Сибирякова 1996]). В отличие от разговорного диалога, лекция не может характеризоваться ведущей ролью Я-темы, но бесспорно, что эта тема всегда присутствует в тексте лекции как отражение авторского психологического

состояния и в этом качестве служит целостности конкретного текста, а также жанра как типа текста.

Формальное выражение Я-темы в первую очередь связано с местоимениями первого лица *я, мы* (*Так я понял и ощутил на себе: мировая литература — уже не отвлеченная огибающая, уже не обобщение, созданное литературоведами (АС); я был крайне горд (ИБ); И когда снова нам скажут старое, мы уже и не вспомним, что это у нас было*), аналогичными притяжательными местоимениями *мой, наш (мой призыв к писателям всего мира)*, местоимением *себя (ощутил на себе)* и нулевыми формами, которые опознаются с помощью глагольных форм первого лица (*говорю, считаю, помним, будем читать*). Ядерной формой является местоимение *я*, недвусмысленно указывающее на автора текста: Местоимение *мы* означает «я и кто-то (не-я)», т.е. указывает на совокупный характер субъекта. Чаще всего тематическое *мы* включает в себя собеседника, тогда это инклюзивное 1-е лицо множественного числа: (1) *мы послушали, и пренебрегли, и откинули тут же, как всегда, спеша сменить хоть и самое лучшее — а только бы на новое! И когда снова нам скажут старое, мы уже и не вспомним, что это у нас было*. (2) *По своей шкале он так рассчитал за всех за нас!* Б. Ю. Норман доказал, что говорящий охотнее использует форму 1-го лица множественного числа в том случае, когда объединяет себя с кем-то себе равным или нижестоящим [Норман 2002: 232].

В целом категория тональности характеризуется многообразием применяемых средств выражения. Субъективная модальность выражается «формально-грамматическими, лексическими, фразеологическими, синтаксическими, интонационными, композиционными и стилистическими средствами» [Гальперин 1981: 113]. Однако в этом множестве применение местоимений первого лица занимает особое место. Г. Я. Солганик пишет: «Местоимение *я* называет говорящего прямо и непосредственно. И появление его в высказывании (тексте) знаменует собой высшую степень модальности» [Солганик 2010: 55]. Ученый называет данное средство средоточием субъективной модальности. Роль данного местоимения подчеркивал М. М. Бахтин; «*я* — не просто формальное указание к глаголу, ... на нем должен лежать особенно сильный личный акцент» [Бахтин 1994: 145]. С помощью Я-темы осуществляется модальное фокусирование текста [Борисова 1996: 35–48], т.е. всем содержательным компонентам текста (мыслям, фактам, событиям, ситуациям) сообщается субъективное отношение. Все они предстают

не объективизированными, а личностно окрашенными, субъективно определенными.

Названные выше формы экспликации Я-темы являются основными. Кроме их обычного синтаксического использования в роли подлежащего, дополнения, определения, применяются более редкие синтаксические формы. Это, к примеру, безличные предложения с эксплицированными формами косвенных падежей местоимений *я* и *мы* (*мне кажется, нам известно*) или их имплицитным наличием ([мне] *представляется, думается*; [нам] *не верится*). Данные обезличенные формы утверждения и отрицания переводят высказывание в пассивный план, снижают энергию высказывания. В противоположность им, побудительные предложения с авторскими *я* или *мы* за счет энергии побудительных форм подчеркивают смысл «я желаю», «я призываю»: *Друзья! А попробуем пособить мы, если мы чего-нибудь стоим!; Пусть это приходит в мир и даже царит в мире — но не через меня.*

К местоименным формам выражения Я-темы примыкают полноточные субстантивные номинации, указывающие на автора по его профессии, статусу, социальной роли и т.п. (*писатель, художник, совиновник, изгнанник, читатель* и др.): *Писатель* — не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, *он* — *совиновник* во всем зле, совершенном у него на родине или его народом. Используется также родовое существительное *человек* и собирательное *человечество*: *Человек* извечно устроен так, что *его* мировоззрение, когда оно не внушено гипнозом, *его* мотивировки и шкала оценок, *его* действия и намерения определяются его личным и групповым жизненным опытом. Данные средства вводят говорящего в состав определенного сообщества, они вносят в высказывание смысл обобщения. Данный смысл передает и редкая форма выражения я-темы, встретившаяся в лекции А.И. Солженицына: *А кто пожил и понимает, кто мог бы этой молодежи возразить*, — многие не смеют возражать: здесь опущено указательное местоимение *тот*: [тот,] *кто пожил*, [тот,] *кто мог бы возразить*), а по существу, [люди, которые ...].

Обобщающий характер полноточных единиц в значительной мере лишает автора активной субъективности, поэтому тематические фрагменты на базе номинаций *писатель, человек* и т.п. с инклюзивным *я* говорящего, как правило, завершаются переходом на открытую Я-номинацию: *Писатель* — не посторонний судья своим соотечественникам и современникам, *он*—*совиновник* во всем зле, совершенном

у **него** на родине или **его** народом. И если танки **его** отечества залили кровью асфальт чужой столицы, — то бурые пятна навек зашлепали лицо **писателя**. И если в роковую ночь удушили спящего доверчивого Друга, — то на ладонях **писателя** синяки от той веревки. И если юные **его** сограждане развязно декларируют превосходство разврата над скромным трудом, отдаются наркотикам и хватают заложников, — то перемишивается это зловоние с дыханием **писателя**. → **Найдем ли мы дерзость заявить, что не ответчики мы за язвы сегодняшнего мира?**

Описанные способы выражения Я-темы дают лишь общее представление о данном явлении в связи с его денотативным текстовым наполнением. Анализ текстового смысла отдельных Я-высказываний (тематических включений) и тематических Я-фрагментов позволяет более пристально всмотреться в данное явление на функционально-текстовой основе.

2. Функционально-текстовые разновидности авторского Я

Неполнозначные, заместительные по своей сути, в тексте местоимения приобретают полную значимость и характеризуются собственной смысловой вариативностью.

Применительно к авторскому я в текстах лекций предлагается различать такие текстовые варианты смыслового наполнения, как ситуативное, биографическое, коммуникативное, логическое, композиционное.

Ситуативное значение Я-темы реализуется, когда субъект высказывания находится во времени и пространстве текущей ситуации. В нашем случае это ситуация преподнесения лекции слушателям на процедуре вручения престижной премии. Контекстными сигналами данной смысловой разновидности являются указания на хронотоп текущего события с помощью наречий *здесь* и *сейчас*, указательного местоимения *этот*, описания элементов текущей ситуации: *когда мы собрались для праздничной церемонии; я не могу сегодня рассказывать о ...; и мне сегодня, сопровождаемому тенью навших; на эту кафедру ... я поднялся* (АС); *мыслью о тех, кто стоял здесь до меня; оказаться на этой трибуне* (Бр). Сигналы хронотопа могут использоваться совместно, так что категория локации предстает в тексте полностью: *То небольшое ... я и попытаюсь изложить сегодня здесь*. Ситуативная разновидность Я-темы тяготеет к композиционному использованию. В лекции Солженицына пять из семи разделов заканчиваются тематическим Я-фрагментом, в том числе — последний раздел, т.е. Я-тема представлена в абсолютной концовке лекции. Таким образом, авторская субъективная модальность,

выражение авторского отношения к обсуждаемому становится основой обобщения как частей текста, так и целого текста.

Биографическое значение Я-темы усматривается, если автор рассказывает о своем жизненном опыте либо о чужой истории, которая тесно связана с личной жизнью говорящего. Например, в выступлении А. И. Солженицына затрагиваются обстоятельства его сложной биографии: *Из них лишь некоторых встречал я сам на Архипелаге ГУЛАГе; В томительных лагерных переброях, в колонне заключенных, во мгле вечерних морозов ... не раз подступало нам в горло ...*. Заметно, что эта разновидность Я-темы применяется осторожно, дозированно, с привлечением способов отстраненной автопрезентации: *Для человека частного и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитавшего, для человека, зашедшего в предпочтении этом довольно далеко — и в частности от родины, ... оказаться внезапно на этой трибуне — большая неловкость и испытание* (Бр). Данная разновидность опознается на основе фактических сведений, конкретной детализации биографических фактов. В приведенном примере сообщение об эмиграции автора дается очень своеобразно: используется совмещение фразеологизма *зайти далеко* и прямого смысла словосочетания *далеко от родины*.

Коммуникативным называем использование Я-темы для непосредственного общения лектора со своим адресатом, оно определяется по наличию вопросительных конструкций, а также использованию обращений и побудительных форм. Коммуникативный вариант Я-темы связан с ожиданием ответа или, шире, реакции адресата на свое высказывание: *Но охватим ли в е с ь тот свет? Кто осмелится сказать, что определил Искусство? перечислил все стороны его? Друзья! А попробуем пособить мы, если мы чего-нибудь стоим!* (АС)

Логический вариант Я-темы представляет автора текста человеком мыслящим. Выделяется, прежде всего, с помощью таких контекстных партнеров авторского я, как лексика интеллектуальной деятельности, глагольная и субстантивная: *мы уже и не вспомним; я настойчиво напоминаю то немного, что удалось мне с годами в этой задаче разглядеть; так я понял и ощутил на себе; моя собственная деятельность* (АС); *Я далек от идеи; мы решили; я позволю себе ряд замечаний; я не думаю* (Бр).

Композиционное значение Я-темы предполагает, что тематический Я-фрагмент или Я-включение расположены в определенном месте цело-

го текста (чаще всего в конце или в начале содержательного раздела), организуя взаимосвязь предметно-тематических фрагментов или даже композиционных частей целого текста. Это важно в плане целостности текста, таким образом автор выводит разделы текста на единую содержательную линию, которая служит опорой разнородных предметно-тематических высказываний. Формальными признаками данной разновидности является расположение Я-фрагмента на стыке разных содержательных частей текста.

Другой пример: *Так и мы, держа в руках Искусство, самоуверенно почитаем себя хозяевами его.* Данному высказыванию предшествует обширный фрагмент с предметной темой «искусство», подаваемой без модального фокусирования. С помощью речевого оборота *так и мы* в начале нового абзаца обозначается граница объективизированного и субъективизированного фрагментов текста, подчеркивается их сопоставление.

О композиционной роли говорит также использование Я-сигналов в составе композиционно значимых приемов, например, в составе лекторского вопроса или группы таких вопросов: *Как же это случилось? Отчего же зинула эта пропасть? Бесчувственны были мы? Бесчувствен ли мир? Или это — от разницы языков? Отчего не всякую внятную речь люди способны расслышать друг от друга?*

Названные функционально-текстовые варианты авторского я способны применяться самостоятельно, но очень часто совмещаются друг с другом. Типично соседство ситуативного (1) и биографического (2) вариантов: *На эту кафедру, с которой прочитывается Нобелевская лекция, кафедру, предоставляемую далеко не всякому писателю и только раз в жизни, я поднялся не по трем-четырем приموщенным ступенькам (1), но по сотням или даже тысячам их — неуступным, обрывистым, обмерзлым, из тьмы и холода, где было мне суждено уцелеть (2), а другие — может быть с большим даром, сильнее меня — погибли (2).*

В этом тематическом фрагменте используется одно и то же базовое местоимение, но смысл его употреблений не одинаков. Первое употребление отсылает нас к ситуации вручения премии (контекстные партнеры: *на кафедру, Нобелевская лекция, подняться по ступенькам*), а второе и третье проявляет биографическое наполнение. Автор рассказывает о своей жизни, преобразуя бытовое слово *ступеньки* в трагический образ, связанный с лагерной жизнью за Полярным кругом и представляющий автора текста как жертву репрессии. Эмоциональная окраска слов не-

уступные, обрывистые, обмерзлые, тьмы и холод передают тягостную эмоцию. Она подчеркнута сопутствующим противопоставлением *мне* суждено *уцелеть* и *а другие ... погибли*.

Аналогичное явление наблюдается в речи И.А. Бунина: *Ничуть не желая омрачать этот праздник, о коем я навсегда сохраню неизгладимое воспоминание, я все-таки позволю себе сказать*(1), *что скорби, испытанные мною за последние пятнадцать лет, далеко превышали мои радости* (2). Первая часть этого высказывания указывает на ситуацию (*этот праздник, позволю сказать*); вторая часть — биографию автора.

Возможно даже совмещение трех смысловых вариантов, например: *То немногое, что удалось мне с годами в этой задаче разглядеть, я и попытаюсь изложить сегодня здесь*. Лектор соединяет биографическое содержание (*удалось с годами*) с ситуативным (*сегодня здесь*), а кроме того данный Я-фрагмент также завершает вступительную часть лекции А.И. Солженицына.

Таким образом, Я-тема в текстах публичных лекций характеризуется наличием группы функционально-текстовых вариантов, что придает данному явлению обширное смысловое содержание.

3. Стилистический контекст сигналов Я-темы

Участие Я-темы в формировании текстового поля тональности заключается не только в модальном фокусировании текста как таковом. С помощью контекстного окружения сигналов в тексте формируется качественная характеристика авторского я. На основе стилистического анализа высказываний, содержащих перечисленные выше речевые сигналы Я-темы можно установить особенности стилистического оснащения данной темы в субжанре нобелевской лекции.

Прежде всего отметим, что с Я-сигналами часто контактируют модальные глаголы (*хотеть, мочь, полагать* и др.). Они непосредственно выражают модальную сферу говорящего: *А может быть, уже и понимал, и называл нам в прошлые века, но мы недолго могли на том застояться* (АС); *Хотя для человека, чей родной язык — русский, разговоры о политическом зле столь же естественны, как пищеварение, я хотел бы теперь переменить тему* (Бр).; *Скажу только, что — не по опыту, увы, а только теоретически — я полагаю, что для человека, начитавшегося Диккенса, выстрелить в себе подобного во имя какой бы то ни было идеи затруднительнее, чем для человека, Диккенса не читавшего* (Бр).

Подача авторского я может сопровождаться усилением за счет контактного смыслового повтора *я сам, моя собственная, самому себе* и т.п.: *А сегодня между писателями одной страны и писателями и читателями другой есть взаимодействие если не мгновенное, то близкое к тому, **я сам на себе** испытываю это; Вот на таком мнимо-фантастическом нарушении закона сохранения масс и энергий основана и **моя собственная** деятельность, и мой призыв к писателям всего мира.* За счет нагнетения смысла повышается энергия высказывания.

Тот же эффект получается за счет использования дистантного повтора тематических сигналов: *По мере того, как я это понимал, менялся и менялся с годами состав, смысл и тон **моей** возможной речи. **Моей** сегодняшней речи; В этой роли человеку выступать, **мне кажется**, следовало бы чаще, чем в какой-либо иной (АС). Более того, **мне кажется**, что роль эта в результате популяционного взрыва и связанной с ним все возрастающей атомизацией общества (Бр).*

Я-тема активизируется также с помощью приема диалогизации. На определенном участке текста с использованием личного местоимения *вы* имитируется диалогическое общение со слушателями: *В обыденной жизни **вы можете** рассказать один и тот же анекдот трижды и трижды, вызвав смех, оказаться душою общества (Бр).* Впечатление усиливается, если в высказывание вводится местоимение не только второго, но и первого лица: *Не станет **меня**, эти строки пишущего, не станет **вас**, их читающих, но язык, на котором они написаны и на котором **вы** их читаете, останется не только потому, что язык долговечнее человека, но и потому, что он лучше приспособлен к мутации (Бр); **Я** не с нынешнего дня ценю **ваши** королевский дом, **вашу** страну, **ваш** народ, **вашу** литературу. (ИБ).*

В первой из этих иллюстраций личные местоимения введены в состав стилистической фигуры синтаксического параллелизма с лексической анафорой. Отметим введение Я-сигналов в состав стилистических фигур как сильное средство выразительности. Во второй применен асиндетон.

Вот еще один пример использования фигуры асиндетона: *Так и **мы**, держа в руках Искусство, самоуверенно **почитаем себя хозяевами** его, смело его **направляем, обновляем, реформируем, манифестируем, продаем** за деньги, **угождаем** сильным, **обращаем** то для развлечения — до эстрадных песенок и ночного бара, то — затычкой или палкою, как схватишь, — для политических мимобежных нужд, для ограниченных*

социальных. В этом высказывании Я-тема выражена местоимением первого лица *мы* с большим количеством однородных глаголов. Грамматически такое предложение выделяет действия, создает быстрый темп речи, подчеркнутый краткостью глагольно-объектных структур. В результате проявляется чувство уверенности, твердой убежденности автора, а также его равнодушия, эмоционального отношения к излагаемой проблеме. Заметим, что глагольный перечислительный ряд дополняется в этой фразе более коротким субстантивным (*для развлечения ..., политических нужд*) и атрибутивным (*политических, социальных*). Наличие трех однородных рядов усиливает воздействие.

Прямые автохарактеристики в текстах лекций чрезвычайно редки, однако автопортрет в лекции обязательно создается за счет контекстного наведения смыслов. Так, охарактеризовав семантику предикатов, относящихся к субъекту *я*, мы получим когнитивный образ человека интеллектуального (*Я думаю, что мировой литературе под силу в эти тревожные часы человечества помочь ему верно узнать самого себя вопреки тому, что внушается пристрастными людьми и партиями*), деятельного (*Уж мы и вовсе не шлем ракет ...*); волевого (*не будем попира́ть права художника, я позволю себе ряд замечаний; подразделение общества на интеллигенцию и всех остальных представляется мне неприемлемым*).), энергичного (*найдем ли мы дерзость заявить...*), обладающего осмысленной системой ценностей (*эти тени (великих писателей. — Я.Ц.) смущают меня постоянно; эта обязанность тяготе́ла на нас, и мы ее понимали*).

Таким образом, контекстное окружение сигналов Я-темы формирует образ лектора, демонстрирует его личностные особенности, что очень важно в плане влияния на адресата.

Тезис о взаимосвязи текстовых категорий темы и тональности требует уточнения и конкретизации. Проведенные наблюдения показали особенности модального фокусирования текста. С помощью контекстного окружения речевых сигналов авторского *я* реализуется функционально-текстовое варьирование Я-темы. Деление Я-темы на подтипы позволяет судить о богатстве содержания данного объекта. Данное деление вероятно, относится не только к публичным лекциям, что в дальнейшем должно быть подтверждено на других субжанрах лекционного жанрового типа. Кроме того, стилистический анализ контекстного окружения всех Я-номинаций позволяет утверждать, что Я-тема в лекции содержит качественные характеристики автора — субъекта текста.

Я-тема в жанре лекции служит важнейшим носителем субъективно-модального содержания текста. Субжанр публичной лекции особенно ярко демонстрирует это положение.

Использованная литература

1. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. — Киев: Next, 1994.
2. *Борисова И. Н.* Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург: Арго, 1996. — С. 21—49.
3. *Валгина Н. С.* Современный русский язык: синтаксис. — М.: Высш. шк., 2003.
4. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981.
5. *Матвеева* 2003а — Матвеева Т. В. Текстовая категория // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта, наука, 2003. — С. 533—536.
6. *Матвеева* 2003б — Матвеева Т. В. Тональность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта, наука, 2003. — С. 549—552.
7. *Новиков А. И.* Применение денотативной структуры текста для перевода научно-технической литературы // Психолингвистические проблемы грамматики. — М., 1976. — С. 66—75.
8. *Норман Б. Ю.* Русское местоимение *мы*: внутренняя драматургия // Russian Linguist. — Netherland: Kluwer Academic Publishers, 2002. — С. 218—234.
9. *Сибирякова И. Г.* Тематическое структурирование разговорного диалога: автореф. дис ... канд. филол. наук. — Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1996.
10. *Солганик Г. Я.* Основы лингвистики речи. — М.: Издательство МГУ, 2010.

Статья рекомендована доктором филологических наук, профессором Т. В. Матвеевой